

Т.А. ЗОЛотоВА
(Йошкар-Ола)

РУССКИЕ ТАУСЕНЕВЫЕ ПЕСНИ ПОВОЛЖЬЯ И ИХ ФИННО-УГОРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ*

Одной из устойчивых традиций в календарном цикле русских Поволжья, его сквозной линией, являются обряды обхода домов. Они имели место на Святки, Масленицу, предпасхальное Средокрестье, Пасху, Троицу, Иванов и Петров дни. Известны случаи обхода домов и в осенний период. Оригинальными чертами отмечены в первую очередь святочные рождественские обходы, сформировавшиеся в регионе в тесной связи с финно-угорскими обрядовыми комплексами.

Вербальным эквивалентом зимних обходов домов можно считать три группы песен: песни-просьбы об угощении, кумулятивные песни, песни-величания, адресованные молодежи. Предметом исследования в настоящей статье являются *кумулятивные* (тип повтора с обязательным повторением предыдущих звеньев цепи) песни русских и мордвы.

В науке уже сложилась определенная традиция в отношении изучения восточнославянских кумулятивных текстов. Абсолютное большинство исследователей считало появление их в репертуаре зимних обрядов обходов домов следствием разрушения последних (В.И. Чичеров, В.Я. Пропп, И.И. Земцовский, А.Н. Розов и др.)¹. Данное положение было воспринято и финно-угорской фольклористикой. Так, В.Л. Имайкина писала о том, что кумулятивные песни вошли в «календарный цикл <мордвы> из необрядового и прежде всего — детского фольклора»². Исследовательница полагала совершенно напрасными поиски в них особого магического смысла. По ее мнению, они «выполняли лишь одну функцию — выпрашивание подарка»³. Данную точку зрения разделял и К.Т. Самородов. Он рассматривал кумулятивные тексты в группе «кратких» обрядовых произведений; отмечал, что они исполнялись исключительно детьми («эйкакшөн калаядат»)»⁴.

Иное отношение к кумулятивным текстам в вопросе ответного типа (<...> *Где ворота? // — Водой снесло. // Где вода? // —*

Быки вытили. // Где быки? // — За горы ушли. // А где гора? // — Черви выточили ... и т.п.) предложено в известной монографии Л.Н. Виноградовой. Исследовательница возводит данные тексты к схеме «было — и нету», считает их магическим оберегом. По ее утверждению, они должны были обеспечить защиту живых «от вредоносного воздействия душ умерших, посещавших по определенным датам свои прежние дома»⁵. При этом Л.Н. Виноградова выявила и весьма выразительные черты общности в структуре кумулятивных текстов и вологодских похоронных приговоров: «*Был у меня хороший муж, был — да и не стало, не стало — и не надо!*»; «*Был — да и нету, нету — да и не надо!*»⁶.

С первоначальной схемой творения («протосхемой») соотносит структуру кумулятивных текстов В.Н. Топоров. Подобные тексты, по его мнению, некогда осуществляли фиксацию этапов перехода «от хтонической аморфности к космогонической организации»⁷. Несмотря на то, что к настоящему моменту в кумулятивных текстах преобладает шуточный слой (мнимая логика событий, занятия персонажей и т.п.), они, в известной мере, сохранили и фрагменты сферы «серьезного». К ним В.Н. Топоров относит: 1) зачин (таусень) и просьбу об угощении; 2) мотив бракосочетания, приуроченный к космогоническому моменту «смены» годов; 3) объекты из соответствующей схемы творения или аналогичного ей ритуала — вода, гора, конь⁸. Ученый считает, что среди кумулятивных имеют место тексты, в которых элементы «серьезного» представлены и в непосредственном виде. Цепь ключевых формул закономерно приводить в этих произведениях к мотиву «женитьбы сына» и создания таким образом гарантии воспроизведения жизненных сил и богатства в потомстве⁹. Наконец, обращает на себя внимание и группа вариантов, которые «приурочены не к становящемуся, творимому миру, но к снывающемуся, деградирующему, распадающемуся»¹⁰. В них преобладают шутки, нелепицы, издевательства над здравым смыслом, выворачивание его наизнанку. Но даже в «абсурдных» текстах ученый усматривает архаические следы космологической символики (дерево, особенно дуб, свинья, гора, брус, столб, огонь, вода и т.п.).

Из известных в средней полосе России кумулятивных текстов в таусеневых песнях Поволжья разрабатываются две их разновидности. Первая достаточно хорошо известна, версии ее имеют место и в классических изданиях обрядового фольклора. Ареал распространения — Нижегородская

(Ардатовский, Первомайский р-ны), Рязанская (Касимовский, Пителинский, Спасский р-ны), особенно Ульяновская (Барышский, Вешкаймский, Инзенский, Карсунский, Первомайский р-ны) области, Татарстан (Камско-Устинский, Тетюшский р-ны), Республика Марий Эл (Новоторъяльский, Звениговский р-ны).

Зачином данной разновидности таусеневых песен Поволжья является, как правило, вопрос: «*Таусень-дуда, // Ты где была?*» (Земцовский, 98); в качестве апеллятива выступают и «*Ту-авсень*» (Гилярова, 27), «*Таусень*» (УГПУ 19, 3 и др.); «*Сорока-дуда*» (Гилярова, 25); «*Зайка-позайка*» (УГПУ 3, 4, 6); «*Ненька (?)*» (УГПУ 2, 4, 817). Причем в тех вариантах, где в вопросе традиционный хрономим «таусень» подвергается различным трансформациям, в качестве рефрена он обычно используется в «чистом» виде:

*Зайка-позайка,
Ты где была?
Чаво вытасла?
Таусь!
Коня с уздой,
Таусь!
А где узда?
Таусь! и т.п.
(УГПУ 3, 4, 6).*

Для таусеневых кумулятивных сюжетов поволжских республик (Татарстан, Марий Эл) устойчивой стала инициальная формула типа:

Колядовчики:
*Чаны ворота, посконна борода,
А не спеть ли вам таусень?*
Хозяйка: *Спойте!*
Тогда запевают:
*Ты каракулька, ты березова!
Таусень! Таусень!
(Золотова, ЛАС).*
*Хозяин с хозяйкой,
Не скричать ли вам таусень?*
(НГУ 45, 3, 34).

Обращает на себя внимание частое использование в зачине выражений «дуда», «дуда», «ту-ту» и им подобных. По мнению Л.Н. Виноградовой, они связаны с разговором, используемым в погребальной обрядности и произносимым в момент опускания гроба в могилу: «*Дух вон, слух вон, вид вон!*»¹¹.

Традиционным «ответом» персонажа («Таусеня», «Таусеня-дуды», «Сороки-дуды» и др.) является следующий: «*Коня в седле, // В золотой узде*» (Земцовский, 98;

МГУ 1986, 8, 179); «*Коня с дугой*» (УГПУ 3, 1, 130; 3, 4, 6); «*конеи*» (Гилярова, 25; УГПУ 2, 4, 817; 19, 3). Именно данная формула определяет специфику первой разновидности кумулятивных текстов региона. В исследованиях археологов неоднократно отмечалась важная роль культа коня, пришедшего на смену лося в Поволжье; связь культа с космогоническими представлениями; «участие» коня в святочной обрядности русских и мордвы¹². Именно такие тексты и привлекали в первую очередь внимание В.Н. Топорова. Он писал о наличии в них «полноценных примет нетривиальной связи Авсенья (Таусеня) с конской темой», видел их «в описании коня, особенно его узды (золотой, новой и т.п.)»¹³.

Вместе с тем исследователь отмечал, что для исполнителей («потребителей» — термин В.Н. Топорова) природа Авсенья (Таусеня) оставалась неясной: Авсень (Таусень) на коне или в виде коня? Данное положение в целом справедливо и для поволжских вариантов. Исключение составляют тексты, записанные в Первомайском р-не Нижегородской обл. В них Таусень, и это вполне очевидно, выступает всадником и, подобно известным сказочным персонажам, занят поисками коня:

*Таусень коня ищет,
Таусень коня свищет.
— Какой твой конь?
— Серебряной,
На лбу звезда!
(НГУ 45, 13, 43).*

Медиальные формулы кумулятивных текстов также отличаются стабильностью, практически полностью лишены вариаций; отмечена лишь разная степень их полноты: *Кони где? (Иногда: Узда где?) // За воротами (если узда: также «на воротах»). // Где ворота? // Водой смыло. // Где вода? // Быки выжили. // Где быки? // На горы ушли. // Где горы? // Черви выточили. // Где черви? // Гуси выклевали. // Где гуси? // В тростник ушли. // Где тростник? // Девки выломали. // Где девки? // За мужья ушли ...*

В заключительных формулах преобладает шуточный подтекст (смещение привычной логики событий, гротесковый сдвиг, «занятия, которым предаются мужья»), но с упоминанием локативов, связанных с местами обитания домового и душ умерших:

*На полатах сидят,
Одни лапотки плетут,
Другие шапочки пушат,
Перепушивают ...
(Земцовский, 98).*

*У попа на пече
Кривые лапти плетут.*
(УГПУ 23, 4, 132 б).

*На печке сидят,
По-собачьи п...*
(УГПУ 19, 3).

*На печи в углу,
В осьмёточках,
В охлопочках.*
(УГПУ 3, 1, 130; 3, 4, 6).

Встречаются в концовках и формулы смерти:

*Мужья померли,
Гробы погнили.*
(УГПУ 7, 4, 686).

На войну ушли ...
(МГУ 1986, 8, 233).

Убили, сгубили на войне.
(УГПУ 6, 58).

Тексты из Татарской республики (Тешошский р-н) имеют своего рода «космогонический» финал:

— *А мужья-то где?*
— *Середь неба на земле.*
(МГУ 1986, 13, 48).

Вторая разновидность таусеневых песен Поволжья начинается с заклички таусеня, переходящей, а в отдельных вариантах и непосредственно соединяющейся с обращением-вопросом колядовщиков к хозяевам дома: «*Таусень! Дома ли хозяин?*» (УГПУ 2, 4, 687); «*Тауся, хозяин дома?*» (УГПУ 2, 4, 351). Далее в одних вариантах преимущественно из Ульяновской обл.: Барышский, Николаевский, Павловский р-ны) кумулятивные цепочки состоят из следующих устойчивых звеньев: (*Хозяина дома нету! // Куда дели? // На базар ушел. // Зачем на базар? // Топор купить. // Зачем топор? // Дрова рубить. // Зачем рубить? // Печку топить. // Зачем топить?...* (УГПУ 2, 4, 687). В других — варианты данного типа фиксировались в Ульяновской (Кузоватовский и Теренгульский р-ны) и Нижегородской (Первомайский и Сосновский р-ны) областях — хозяин отправляется в лес, соответственно и кумулятивная цепочка приобретает несколько иной вид: *Зачем уехал? // Мётлы рубить. // Зачем ему мётлы? // Ток разматати. // Зачем ему ток-то? // Рожь молотити. // Зачем ему рожь-то? // Солод тростити. // Зачем ему солод? ...*

(УГПУ 484). Концовки обеих групп вариантов одинаковы:

*<...> пиво варити.
Зачем пиво-то,
Молодца женити.*
(УГПУ 2, 4, 687; 11, 4, 23; 12, 4, 199 и др.).

*<...> брагу варить.
— На кой вам брагу варить?
— Сына женить.*
(НГУ 45, 9, 4; 45, 3, 34; 45, 4, 5; 45, 13, 199).

В Нижегородской обл. к подобным концовкам возможно еще и присоединение известных формул песен-просьб:

*Подавай пирога,
Блин да лепешку,
Поросычю ножску.*
(НГУ 45, 3, 34).

*Неси блин с ариши,
Пышку, лепешку,
Поросычю ножску.*
(НГУ 45, 4, 5).

Как уже подчеркивалось, В.Н. Топоров считал наличие таких образований в кумулятивных произведениях проявлением сферы «серьезного»¹⁴.

Следует отметить, что тексты данной разновидности близки одному из таусеневых величальных сюжетов Поволжья, в частности «У <имя хозяина> на дворе костер стоит»; он был адресован холостым парням. В Рязанской обл., например, данная сюжетная ситуация воспроизводилась не в виде вопросно-ответной, а непосредственно повествовательной структуры:

*Таусень, Таусень! Как Володька-господин
Таусень, Таусень! Костер дров навозил.
Таусень, Таусень! Дрова рубленные,
Таусень, Таусень! В избу тасканные,
Таусень, Таусень! В печку кладенные.
Таусень, Таусень! Хотят пиво варить.
Таусень, Таусень! А Володьку женить,
Таусень, Таусень! Красну девушку брать,
Таусень, Таусень! Переменушку ждать.*
(Гильрова, 1а).

Использование одного материала для воспроизведения его в разных жанрах свидетельствует, на наш взгляд, и об актуализации в святочный период идей «воспроизводства жизненных сил и богатства в потомстве»¹⁵.

И, наконец, ко второй группе кумулятивных песен можно отнести небольшое количество текстов из Нижегородской обл. (Краснооктябрьский, Павловский, Почин-

ковский р-ны) с характерным зачином «усинь-гусинь». Он также переходит в вопрос: «Дома ли хозяин?» Однако отсутствие последнего мотивируется иначе:

*Уехал в город,
Денежки ковать:
Себе — на шубку,
Жене — на юбку,
Дочерям — на коты,
Сыновьям — на ноги.
(НГУ 23, 28, 34).*

*Уехал на базар
Торги торговать,
Холсты, продавать,
Покупочки покупать:
Жене — юбку,
Дочери — шубку,
Сыну — сапоги.
(НГУ 23, 28, 35).*

Значимы в них заключительные просительные формулы:

*Таусень, мяусень!
Подай мне кокурку.
Твоя кокурка на полке лежит,
На меня глядит.
(НГУ 41, 11, 2).*

*Свинья-то ножка
Лежала на окошке,
С окошка упала,
К нам в подол попала.
А мы ее съели,
Еще захотели.
(НГУ 26, 31, 8).*

Приведенные тексты, если прямо и не связаны с выше означенными представлениями, в целом органичны святочному периоду. Об этом свидетельствуют декларируемые в них идеи материального достатка, богатства.

Если вопрос о связи цепевидных структур текстов русских Поволжья с космогоническими мифами ставился и решался лишь предположительно (при этом существование подобных представлений подтверждалось наличием отдельных деталей — конь с золотой уздой, вода, горы), то с изучением мордовских кумулятивных песен сложилась принципиально иная ситуация. Действительно, с этой точки зрения они представляют большой интерес.

В вариантах мордовских кумулятивных песен первоначально сообщается об изготовлении «бабушкой» ритуальной еды: «Бабушка сварила кашку, // На шесток поставила» (УПТМН, VII, 3, 32); «Бабушка испекла пирожки» (ПМНМИ, 17); «<Ба-

бушка>, свиную голову сварите, // На лавку положите» (ПМНМИ, 10). Еда обязательно похищается или съедается кошкой: «Подошла кошка — съела» (УПТМН, VII, № 32); «Черная кошка украла» (УПТМН, VII, 3, 14). В свою очередь «кошка» — одна из трансформаций облика домового¹⁶. И домовый в сознании этносов Поволжья — не просто представитель «киного» мира, но «олицетворение умершего предка», оставшегося дома, а не ушедшего «в дальний мир»¹⁷. Можно предположить, что подобным образом (кошка / домовый — души умерших) в мордовских кумулятивных текстах осуществлен механизм передачи обрядового угощения (жертвы) предкам-покровителям. В свою очередь, жертва может рассматриваться как условие существования мира, его созидающей, плодоносящей силы. Космогоническая картина обходных песен мордвы — своего рода воспроизведение «основного» мифа о поединке природных стихий, завершающемся благодатным дождем:

— Полы толнись косо?
— Чуди ведне мацтизе.
— Чуди веднесь косо?
— Лиси чиназ костизе.
— Лиси чиназ косо?
— Сэнь пельне вельтизе.
— Сэнь пельнесь косо?
— Сэтьминестэ лизизе,
— Матор аванть начтызе.

— Где огонь?
— Текучей водичкой залит.
— Текучая водичка где?
— Солнце высушило.
— Солнце где?
— Синяя тучка закрыла.
— Синяя тучка где?
— Дождиком пролилась.
Землю-матушку напоила.
(УПТМН, VIII, 236).

Значимо и появление в кумулятивных текстах мордвы черного, красного или пестрого быка. В ряде вариантов именно он выпивает «большую воду»:

— Пити узересь ков мольст?
— Иневедьс ваясь.
— Иневедьс ков мольсь?
— Якстере бука симизе.

— Острый топор где?
— В большой воде утонул.
— Большая вода куда делась?
— Красный бык выпил.
(УПТМН, VII, 3, 14).

Красный бык (солнце) выпивает (высушивает) воду и одновременно сам приносится в жертву. Известно, что у славян красный бык обеспечивал (через пророка Илью) ясную погоду, тогда как бык вообще символизировал землю (!)¹⁸.

— *Якстере букась ковь мольсь?*

— *Роштуванень печкинек.*

— *Красный бык куда делясь?*

— *Зарезали к Рождеству.*

(УПТМН, VII, 3, 14).

При этом возможно осмысление жертвоприношения и в категориях «перевернутого» мира:

*Авня ало тидинек,
Кустим ало ознынек,
Човар ало сэвшек.*

*Под овинном сварили,
Под лестницей помолились,
Под ступой съели.*
(УПТМН, VII, 3, 14).

Для решения вопроса о генезисе кумулятивных сюжетов, их дальнейшей судьбе в Поволжье важно то, что в группе русских таусеневых песен-просьб также встречаются тексты с мотивами изготовления ритуальной еды «бабушкой» и похищения ее (еды) кошкой¹⁹. Исходя из этого, можно предположить, что и у русских существовали тексты близкие мордовским — «воспроизводящим прецедент» (переход от хаоса к космосу и поддержание необходимого порядка). Но с течением времени звенья исходной вопросно-ответной структуры распались и стали функционировать либо самостоятельно, либо в виде контаминации с другими формулами.

Примечания

¹ Поэзия крестьянских праздников / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.И. Земцовского. Л., 1970 (Библиотека поэта); *Протт В.Я.* Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963; *Розов А.Н.* Песни русских зимних календарных праздников: Проблемы классификации колядок / Дис. ... канд. филол. наук. Т. 1—2. Л., 1978; *Чичеров В.Н.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. Очерки народных верований. М., 1957.

² *Имайкина В.Л.* Особенности построения мордовских календарных обрядовых произведений // Труды Мордовского НИИ яз., лит., ист. и экон. Вып. 50. Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. С. 37.

³ Там же. С. 38.

⁴ *Самородов К.Т.* Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980. С. 57.

⁵ *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 226.

⁶ Там же.

⁷ *Топоров В.Н.* Три заметки о малых фольклорных формах // Славянское и балканское языкознание. М., 1993. С. 15.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ *Виноградова Л.Н.* Указ. соч. С. 226.

¹² *Данилов О.В., Золотова Т.А.* Очерки культуры народов Поволжья. Йошкар-Ола, 1996.

¹³ *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 16

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. об этом: *Золотова Т.А.* Таусеневые песни русских Поволжья: региональное своеобразие и межэтнические связи. Дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет, 1998. С. 118; *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 99; *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX вв. М., Л., 1957.

¹⁷ *Зеленин Д.К.* Русские народные обряды со старой обувью // Живая старина. 1913. № 1—2. С. 1—16; *Золотова Т.А.* Указ. исслед. С. 121—123.

¹⁸ *Толстой Н.И.* Бык // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 68.

¹⁹ *Золотова Т.А.* Указ. исслед. С. 201.

Список условных сокращений

Земцовский — Поэзия крестьянских праздников / Вст. статья, сост., подготовка текста и примеч. И.И. Земцовского. Л., 1970 (Библиотека поэта).

Гилярова — *Гилярова Н.* Новогодние поздравительные песни Рязанской области. М., 1985.

УГПУ — Фольклорный архив Ульяновского государственного педагогического университета.

Золотова, ЛАС — Личный архив собирателя. НГУ — Фольклорный архив Нижегородского государственного университета.

МГУ — Фольклорный архив Московского государственного университета.

УПТМН, VII, 3 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. VII. Ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры / Сост. В.Л. Имайкина, К.Т. Самородов. Нот. прилож. Л.Б. Бояркиной. Отв. ред. Б.П. Кирдан. Саранск, 1981.

УПТМН, VIII — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. VIII. Детский фольклор / Сост., подстр. перевод, предисл. и коммент. Э.Н. Таракиной. Отв. ред. В.А. Аникин и Л.С. Кавтаскин. Саранск, 1978.

ПМНМИ — Памятники мордовского народного музыкального искусства / Сост. Н.И. Бояркин. Подред. В.Е. Гиппиуса. Саранск, 1988. Т. 3.

